

Глава 8

Я не считаю свою партию преступной!

1991—1992-й стали годами унижения и уничтожения КПСС. Более мерзкого глумления и даже садистского издевательства над вчерашней «руководящей и направляющей силой общества» трудно себе представить. В ход пошел тотальный моральный террор, такая российская «Варфоломеевская ночь». Дошли до предложений ввести для бывших партийных руководителей запрет на профессию сроком на 10 лет. Особенно злобствовала госпожа Старовойтова. Видно, так учили ее за границей, где она за год, как писали газеты, провела около 200 дней. Германский опыт, похоже, ею был изучен хорошо.

Во всех бедах и неурядицах стали обвинять бывших коммунистов и работников государственного аппарата. Кстати, цель достигалась безошибочно, так как руководителями предприятий и организаций, как правило, оставались те же люди. Да и откуда взяться новым? Ведь руководить заводом — это не кричать на митингах. В обиход прессы вошли термины постперестройки: «партократы», «коммуняки», «красно-коричневые», «чернь», «быдло» и т. д. Старая как мир истина — разделяй и властвуй — набирала силу, чтобы 4 октября 93 года подвести итог с помощью 125-миллиметровых танковых пушек.

Преданная своим лидером и его ближайшими соратниками, деморализованная партия не оказала какого-либо сопротивления. Могучая партийная структура с многотысячным аппаратом на всех уровнях сдалась на милость победителя. Предательство идей перестройки и ее кончина, разочарование в ней широких масс населения выразились в полном отсутствии их поддержки партии, да по существу и она, деморализованная, сама ее не искала. И происшедшее

имело свою логику: ведь партия монополизировала управление всеми сферами жизни общества, и теперь на нее охотно возлагалась ответственность за все поражения, а заодно и победы, густо вымазанные дегтем. И когда я вспоминаю об этом, то невольно думаю: какие же мрачные бездны есть в душах человеческих, какой звериный оскал скрывается за благообразной личиной иного профессора, актера, писателя, какие ничтожные, шкурные интересы лежат в основе их поступков, на что способны они, эти оборотни, в своем стремлении к власти, богатству, славе — хотя бы и геростратовой...

Я не имею возможности описать все это умопомрачение, эти дикие пляски на поверженном гиганте. Остановлюсь только на двух событиях 92 года, поскольку в силу сложившихся обстоятельств я был их непосредственным участником.

Во-первых, о «золоте партии». Во-вторых, мое отношение к партии. То и другое было мной высказано на Конституционном суде в 1992 году.

Говоря о «золоте партии», по поводу которого до сих пор льется поток грязной лжи, необходимо четко определить содержание этого звонкого понятия. Оно имеет двоякий смысл: действительно золота, а также денег партии. В конце 91 и в начале 92 годов в средствах массовой информации появились сенсационные сообщения о деньгах партии. Наблюдая, с какой яростью и целенаправленностью все это делалось, легко можно было понять, что через беспрецедентную дезинформацию идет шельмование КПСС в глазах населения нашей страны, в глазах мирового сообщества. Руководители России, развернув эту кампанию, хотели убедить всех: партия была преступной, и ее надо запретить.

Из газеты в газету стали кочевать астрономические цифры «золота партии». Делались заявления, что за последние годы своего существования КПСС вывезла из страны золота, ценностей и валюты на сумму от 8 до 15 миллиардов долларов. Потом писали, что эта цифра может быть значительно выше. Назывались и еще более фантастические суммы. Особо отмечалась денежная помощь зарубежным коммунистическим партиям и рабочим движениям. Здесь уже называлась сумма совершенно иного порядка: за десять лет было израсходовано на эти цели 200 миллионов долларов — от 12 до 20 миллионов в год. Имеющиеся документы подтверждают только эти последние цифры. Все остальное — плод воображения...

Тем не менее по представлению прокуратуры было возбуждено дело «О финансах КПСС». Руководство России создало комиссию во главе с Бурбулисом. Гайдар же быстро нанял известную американскую сыскную фирму. За услуги ей заплатили, опять же по сведениям печати, 20 миллионов долларов, то есть 10 процентов от денег, переданных зарубежным партиям за 10 лет. И снова сенсация в прессе! Нью-йоркская компания «Кролл Ассошиэте» (так называется эта фирма) обнаружила наконец-то 100 миллиардов «партийных долларов».

Но поднятая пыль быстро осела. Вице-президент компании заявила, что сообщения российского телевидения и прессы являются полной чепухой. Компания лишь гипотетически оценила лежащие в зарубежных банках российские деньги в 100 миллиардов долларов... Думаю, что в то время эта цифра была близка к истине: она включала в себя валюту новых российских предпринимателей и других наших граждан. Но при чем здесь деньги КПСС? Поистине, на воре шапка горит...

Позже опубликованы еще более внушительные, уже отечественные, данные. По ним сумма российских вкладов увеличилась до 200 миллиардов долларов. И сделан вывод, что эти деньги пересведены за рубеж в последние 2—3 года.

Довожу до сведения читателей, что вся наша выручка в свободно конвертируемой валюте в 89 году составляла примерно 25 миллиардов. Из этих денег необходимо было отдать долги, купить продовольствие, сырье, машины и оборудование... Похоже, что сам сюжет о партийных миллиардах заимствован из на шумевшей 140-миллиардной авантюры Силаева—Фильшина. После ее разоблачения первый из них спокойно пережил эти годы послом в Европейском Сообществе, в Брюсселе, а второй до сих пор укрепляет экономические связи с Австрией. Так писала пресса.

Я не знаю, какая доля партийных расходов покрывалась за счет государства в 1919 году. Но в период моей работы в качестве Предсовмина бюджеты государства и партии были совершенно самостоятельными. Первый составлялся правительственными органами и утверждался Верховным Советом. Второй разрабатывался аппаратом ЦК и утверждался Генсеком. Ежегодно Управляющий делами ЦК составлял подробный отчет о финансах партии — о доходах и расходах. Партийный бюджет формировался в основном за счет двух самостоятельных источников — поступления

взносов и отчислений от прибылей более ста партийных издательств. С этим документом знакомились члены ПБ.

Мне до сих пор непонятно, почему данные партийного бюджета открыто не публиковались в прессе. Может быть, меньше было бы спекуляций по этому поводу. А рядовые коммунисты больше бы доверяли руководству партии. Впервые подробности о партийном бюджете сообщил ныне покойный Н. Е. Кручина на XXVIII съезде КПСС. Отвечая на вопрос о накоплениях, он назвал их размер — 4 миллиарда 900 миллионов рублей. Естественно, что они находились на счетах внутри страны. Вот такая цифра была на середину лета 1990 года. Все остальное — досужие домыслы. Я затрудняюсь что-либо сказать о коммерческой деятельности партии в 90 году. За остававшиеся несколько месяцев до ухода с поста Предсовмина у меня по этим вопросам не было никакой информации, тем более что на Съезде, как известно, я не вошел в новый состав ПБ. Что делалось в этом отношении в 91 году, я могу судить только по печати. Но я убежден, что Кручина ничего бы не сделал без Горбачева. Я слишком хорошо знал Николая Ефимовича — этого честного, порядочного человека, который предпочел смерть какому-либо вынужденному участию в шабаше вокруг денег партии.

Легендам о ее «золоте» можно только поражаться. В дальнейшем я подробно остановлюсь на действовавшем порядке продажи за рубеж золота, платины и алмазов. Сейчас же скажу только, что главным и единственным руководящим документом для министерства финансов и Внешэкономбанка являлось соответствующее постановление Правительства. И до моего ухода с поста Предсовмина я не подписывал ни одного документа о передаче золота в ЦК КПСС или продаже за границу от его имени. Искусственно созданная шумиха должна была вызвать нездоровый ажиотаж обывателя вокруг «вечного металла», якобы преступно разбазаривавшегося партократами.

В деле о финансах КПСС особое внимание было уделено денежной помощи зарубежным партиям. В конце марта 92 года мне позвонили из Генпрокуратуры и пригласили прибыть к ним в качестве свидетеля для дачи показаний. Через несколько дней я уже отвечал на многочисленные вопросы следователя В. Карасева. Надо отдать должное, он вел себя вполне корректно. Его поведение разительно отличалось от многочисленных публикаций в прессе, которые с большим сарказмом, в издевательской манере говорили об опраши-

васмых «пожилых людях, изнуренных в большинстве своем болезнями, у которых от бывшего величия не осталось и следа», и т. д. А дальше упоминались фамилии бывших членов ПБ. Всех, кроме Шеварднадзе, Яковлева... Если Шеварднадзе не вызывали на допрос как гражданина другого государства, то Яковлев, надеюсь, еще не поменял гражданства?

Опять же пресса, спасибо ей, разъяснила: «Конечно, не Горбачев с Яковлевым придумали систему финансирования зарубежных компартий». Тогда, выходит, мы все это придумали? Для справки: Яковлев Александр Николаевич работал в ЦК с 1960 года. В последние перестроечные годы был членом ПБ и Секретарем по международным делам. Именно он, вместе с Международным отделом ЦК, готовил документы о финансовой помощи зарубежным друзьям. Он их первым подписывал и вместе с Горбачевым отправлял на согласование другим членам ПБ.

Кстати, о Яковлеве и прессе: «демократические» газеты публикуют время от времени «разоблачительные» материалы из архива КПСС со всякого рода комментариями к ним. Но лишь в редком, самом «невинном» случае под документом промелькнет подпись Яковлева. Во всех остальных, самых криминальных с точки зрения публикаторов, она не воспроизводилась. Видимо, для того, чтобы не искажать нынешний благостный облик нашего главного ультрадемократа, который еще совсем недавно был инициатором и ревностным исполнителем в преследованиях Сахарова и других диссидентов, в идеологическом разгроме «Пражской весны» 1968 года и других подобного рода акциях. Но пусть это остается на совести его и прочих ему подобных, тем более что такое прошлое их явно не отягощает.

В Генпрокуратуре, как в дальнейшем на Конституционном суде, вопросы ко мне были в основном о финансах партии, ее коммерческой деятельности, о зарубежных счетах КПСС и ее лидеров, о финансовой помощи зарубежным компартиям.

Я не буду подробно останавливаться на многочасовых диалогах. Основная суть моих заявлений следующая.

О партийном бюджете я рассказал то, о чем только что написал. Коммерческая деятельность партии мне неизвестна, но я не верю, что в 91 году деньги переводились за рубеж на специальные банковские счета. В отношении зарубежных счетов лидеров партии у меня твердое убеждение об абсурдности таких подозрений. В годы «застоя» было

немало пороков, но в чем нельзя было упрекнуть лидеров партии, так это в личной финансовой зависимости от Запада. Руководителям нашего государства в прошлом было категорически запрещено получать валюту от иностранного государства, фирмы или частного лица. Нарушение этого запрета приравнивалось к преступлению.

И в период «перестройки», я уверен, большинство членов ПБ не запятнали себя ничем подобным. Да и подумайте: все они после ухода остались без средств к существованию, все они где-то подрабатывают, а В. В. Гришин и умер в районном собесе при переоформлении пенсии. Но нет, конечно, правил без исключений: уже давненько некоторые бывшие лидеры стали получать на Западе валюту за свои мудрые мысли, изложенные в виде лекций или печатной продукции. Вот у этих и ищите счета!

Больше всего было вопросов о финансовой помощи зарубежным компартиям и рабочим движениям. На столах следователя, как и обвинителей в Конституционном суде, лежали копии документов и решений ПБ по данному вопросу. Всех интересовала процедура их принятия.

Готовили проекты таких документов и соответствующую записку в Международном отделе ЦК, а потом докладывали Секретарю ЦК по международным делам и Генсеку, чтобы направить эти проекты на голосование членов ПБ. Была такая форма принятия решений Политбюро. Каждый его член должен был в письменном виде высказать свое отношение к рассматриваемому вопросу — «за» или «нет». И если было решение ПБ, это еще не означало, что оно обсуждалось на заседании. За пять лет я не помню, чтобы хоть раз вопросы финансовой поддержки зарубежных компартий обсуждались на Политбюро. Они принимались после получения согласия каждого члена ПБ в отдельности.

Учитывая, что в мире всегда существовала и ныне существует практика оказания помощи заинтересованным партиям, режимам и т. д., основной упор во всех расследованиях и в средствах массовой информации делался на то, что партия оказывала помощь не своими деньгами, а государственными. По этому поводу должен сказать следующее. В стране существовала четкая и жесткая система в отношении валютных средств. Вся валюта, полученная за счет внешней торговли, предоставленных услуг, возвращаемых долгов и даже партийных взносов тех, кто работал за рубежом, собиралась во Внешэкономбанке. И при разработке проекта плана на каждый предстоящий год опре-

делялся объем валютных поступлений. Соответственно устанавливались и направления их расхода. К годовому плану делалось приложение, где четко было обозначено, кому и сколько выделяется валюты. В числе ее потребителей было и свыше 50 общественных организаций — КПСС, ВЦСПС, творческие союзы, комсомол и т. д. Проект плана с этим приложением Правительство направляло в Верховный Совет, где он обсуждался. Принятие плана оформлялось законом Верховного Совета, и он был обязателен для всей страны. Так что государство сначала аккумулировало в своих руках все валютные ресурсы, а затем распределяло их, в том числе и в интересах деятельности общественных организаций. Эта практика существовала в соответствии с 28-й статьей еще не «исправленной» и не растерзанной Конституции. Обвинять КПСС в том, что она выступала инициатором такой практики, — это значит довести все до абсурда. С таким же успехом в этом можно было обвинить и Союз журналистов, и профсоюзы, и Союз художников и... Разве им выделялась валюта без их инициативы?

И еще об одной алогичности в этой поднятой шумной кампании. На Конституционном суде в течение нескольких месяцев обвинители партии — президентские представители — настойчиво доказывали, что КПСС являлась не общественной организацией, а государственной партией. Да, действительно, до 1989 года партия руководила всем. Так было. Тогда же где логика? Если партия всем руководила, то, естественно, под ее руководством и создавались материальные ценности. Но тогда она имела полное моральное право ими распоряжаться. Такова логика.

Чтобы закончить тему о финансах КПСС и особенно о помощи зарубежным партиям, еще раз хочу напомнить, что это всегда делалось и будет делаться, пока существуют государства с их национальными интересами. Можно было бы привести десятки и сотни примеров аналогичных действий со стороны США. Проводят эти «мероприятия» государственные органы — ЦРУ, ФБР и т. д. Делают это они, конечно, своими методами.

Так, в 1948 году ЦРУ в Италии истратило миллионы долларов на проведение избирательной кампании. Поставленная цель — не допустить к власти коммунистов и помочь христианским демократам. А многочисленные государственные перевороты, устранение неугодных США режимов на американском континенте, в Азии, Африке, в «цивилизованной» Европе не являются тому убедительным доказа-

тельством? Это что, благотворительность ЦРУ или четкая позиция государства?

Как уже было сказано, за 10 лет было израсходовано на помощь по партийной линии 200 миллионов долларов. Чтобы сравнить наше и, к примеру, американское идеологическое влияние за рубежом, хочу напомнить, что только на содержание радиостанции «Свобода» США ежегодно(!) тратили около 350 миллионов долларов. Сколько они платят так называемым агентам влияния, можно лишь догадываться... А как вы оцените тот факт, что в 1989 году в разгар шахтерской забастовки у нас в стране американские профсоюзы открыто поставляли для них оргтехнику, приглашали лидеров забастовочного движения в США? Поили, кормили, учили... Или вот, публикация в одной из американских газет: здесь не только описана система передачи «помощи» ЦРУ нашей печально известной Межрегиональной группе народных депутатов СССР, во главе которой стояли Ельцин, Попов и прочие, но и приведена соответствующая схема.

Так было четыре-пять лет тому назад. Сейчас это не только не изменилось по существу, но и приобрело масштабы, о которых коммунисты и думать не могли. Их помощь своим «агентам влияния» смехотворна по сравнению с той, которая идет ныне из западных стран и особенно из США. Там выделяют деньги щедро и открыто для определенных людей и под совершенно четкие задачи. И сейчас, когда Запад и его «агенты влияния» у нас ставят целью как можно быстрее, пока не опомнились люди, построить любой ценой «дикий» капитализм в бывшем СССР, передать народную собственность новому и чаще всего криминальному капиталу, — дают под Гайдара, Чубайса и прочих деятелей с, мягко говоря, сомнительной репутацией. Ну, а вопрос о финансах партии, похоже, стал дежурным. Время от времени он будет подаваться, чтобы отвлечь внимание людей от куда более насущных и постоянно обостряющихся проблем.

В сентябре 1992 года из передач телевидения я узнал, что Конституционный суд принял решение привлечь в качестве свидетелей большую группу людей. В их числе были названы я, Горбачев, Лигачев, Долгих, Вольский, Бакатин и другие. Сразу же возник вопрос, все ли приглашенные придут в суд. Дело в том, что, когда в мае Конституционный суд вызывал бывшего Генсека ЦК КПСС в качестве представителя Компартии на слушания, тот не выдержал нравственного испытания и не стал, не решился защищать пар-

тию. Ту, которая выдвинула его на высший государственный пост и которой он был обязан всем.

Началась постыдная перепалка Горбачева и Конституционного суда. Каждая сторона ежедневно делала свои заявления. В конечном итоге бывший Генсек окончательно и навсегда потерял уважение членов партии, а Конституционный суд тоже не выглядел в этой ситуации как серьезная властная структура. Наручники для Горбачева не потребовались — сошлись полюбовно на штрафе в сто рублей.

Немедленно и положительно отреагировали на приглашение в суд Лигачев, Долгих, Полозков и другие. Моя позиция была высказана в небольшой газетной публикации под названием: «Наручники Рыжкову не потребуются». Я позволю себе привести ее здесь.

«Конституционный суд России в числе новых свидетелей пригласил Николая Ивановича Рыжкова. Как бывший член Политбюро ЦК КПСС, премьер-министр относится к этому?

— Это большой разговор, — ответил по телефону Николай Иванович. — Я не делаю из этого трагедии. В суд пойду обязательно (наручники не потребуются!) и выскажу свое мнение. Потом у судей и сторон будут вопросы, на которые отвечу прямо и объективно, в соответствии со своим мировоззрением, со своей позицией.

— Но время, события сказались на позиции многих партийных и государственных деятелей. И сами они изменились...

— Может быть, правильное — приспособились? А меняться — для некоторых обычное дело. Мы все не те, что были десять лет назад. А приспособленным я не верю. Я остался тем человеком, каким был всегда: честно высказывал свое мнение, независимо от того, нравилось оно кому-то или нет».

Для себя я сделал вывод, что на суде мне надо не только отвечать на вопросы, но и высказать свою принципиальную позицию в отношении КПСС. Я немедленно приступил к подготовке выступления. И это было не просто написание текста. Вся моя 35-летняя жизнь в партии прошла передо мной. Говоря словами одного тверского сельского поэта,

Как следы на снегу,
Ночь читает мой день.

Я дал себе слово отбросить личное, особенно — накопившееся в последние годы, когда я не получал никакой

поддержки от ЦК, его средств массовой информации, когда меня нещадно избивали как главу коммунистического Правительства. Надо было подняться выше личного. Ведь речь шла не обо мне. О партии.

30 октября 1992 года в 10 утра началось слушание новых свидетелей. Не буду останавливаться на всех подробностях этих заседаний. Когда очередь дошла до меня, я попросил сначала дать слово для заявления. В общей сложности пришлось простоять на трибуне семь часов. У меня сложилось неплохое впечатление о председателе Валерии Дмитриевиче Зорькине и членах Конституционного суда. И совершенно противоположное — об обвинителях. Возможно, это объясняется моим отношением ко всякого рода ренегатам. Неужели у Президента России не нашлось менее одиозных личностей? Передо мной сидели и тучный господин, известный словоблуд и интриган, и не менее известный кандидат философских наук, и вездесущий юрист, и другие их коллеги по этому «историческому процессу». Одним словом, молодцы были прямо на подбор. А ведь вся эта команда обвинителей в первую очередь подводи́ла самого Президента.

Учитывая, что в заявлении содержится ряд принципиальных, на мой взгляд, положений и высказана моя личная позиция по отношению к партии, приведу в книге его полностью. Оно было опубликовано во многих центральных газетах под различными названиями.

Итак, 1 ноября 1992 года, 10 часов 20 минут утра.

«Уважаемый Председатель!

Уважаемые члены Конституционного суда!

Моя трудовая деятельность.

В течение 25 лет работал на «Уралмаше». Последние 5 лет — генеральным директором.

С 1975 по 1979 год был первым заместителем министра тяжелого и транспортного машиностроения.

С 1979 по 1982 год работал первым заместителем председателя Госплана СССР. На ноябрьском (1982 г.) Пленуме был избран Секретарем ЦК КПСС по экономике.

В конце сентября 1985 г. назначен Председателем Совета Министров СССР. Работал в этой должности до конца декабря 1990 г.

Член КПСС с 1956 г., член Центрального Комитета партии с 1981 г., член Политбюро — с 1985 по 1990 год.

Вступил в партию после XX съезда, когда ее голос прозвучал громко, честно, с болью и откровением. Я поверил, что страшные времена беззакония лидеров государства и партии остались позади.

Моя биография даст мне моральное право высказать объективно свое мнение по рассматриваемым вопросам, так как я видел на протяжении многих лет деятельность КПСС на многих ее уровнях.

В последнее время о партии сказано очень много. Правда слилась с ложью и вымыслом, реальность — с мифами и легендами. И даже авторы «Ходатайства» не сочли возможным отойти от штампов, гуляющих на экранах и страницах средств массовой информации.

Суду и истории нужна истина, какая бы она ни была, устраивала или нет она отдельных лиц или отдельные слои общества. Я не буду в своем свидетельстве подстраиваться под чье-то мнение. Это будет моя личная позиция.

Сейчас очень много говорят о роли партии в жизни страны, о ее сращивании с государственными структурами. Да, действительно исторически сложилось так, что КПСС, являясь общественно-политической организацией, взяла на себя многие функции управления государством. Здесь и кроются корни несовершенства или даже декоративности некоторых государственных структур. Такое положение, на мой взгляд, является логическим результатом однопартийной системы.

В глобальном же плане интересы государства и партии совпадали. Тем более, как известно, Конституцией страны она была узаконена как правящая и руководящая сила в обществе. Так что все это было освящено высшим законом страны.

Вся моя сознательная жизнь была связана с производством и экономикой. Поэтому свое отношение к деятельности партии я буду в основном рассматривать через призму экономики.

Объективно партия участвовала в руководстве хозяйством страны. Для этого в ее структуре, начиная от ЦК КПСС, ЦК союзных республик, крайкомов и обкомов партии, были соответствующие отделы, во многом дублирующие подобные подразделения в государственных органах.

Эти партийные структуры занимались не только разработкой экономической политики государства и регионов, но и конкретным руководством в центре и на местах. Об этом

говорит и практика принятия совместных постановлений ЦК и Совмина.

Но не в этом было зло. Самое тяжелое для руководителей экономики всех рангов было то, что политика все время бежала впереди экономики, во многом не считаясь с реальной действительностью и возможностями.

И если бы партия вырабатывала экономическую политику, как это произошло уже на XXVIII съезде, то это и были бы свойственные ей функции. Она обязана выражать через экономику интересы тех слоев общества, от имени которых она выступает.

Но, как известно, включительно до XXVII съезда партии в повестке дня съездов обязательным вопросом был проект пятилетнего плана социально-экономического развития страны, который затем рассматривался и утверждался Верховным Советом СССР.

В то же время может создаться впечатление, что Правительство только оформляло решения по социально-экономическим вопросам. На самом деле при подготовке и обсуждении их на Политбюро были серьезные разногласия и даже жесткие дискуссии. Обстановка на Политбюро с 1985 года позволяла всем отстаивать свою точку зрения. Но когда решение было принято, оно являлось обязательным для исполнения.

Так было. Но сегодня стоит задача сделать вывод — оставалась ли партия до прекращения ее деятельности с такими же функциями и методами работы или она пришла к своему трагическому дню другой. И я свидетельствую, что, несмотря на мои критические высказывания в ее адрес, это была уже другая партия.

Не видеть этого — значит или не понимать процессов, происходивших в партии во второй половине 80-х годов, или преднамеренно замалчивать это.

Сложившаяся на протяжении многих лет система работы партийных органов, втягивание ее все более в решение конкретных вопросов вызывали критическое отношение не только работников народного хозяйства, но и определенной категории руководства партии.

Разве не показательно, что Ю. В. Андропов в одной из статей 1983 года сказал: «Надо разобраться в обществе, в котором мы живем». Разве это не смелое по тем временам заявление Генерального секретаря партии, разве это не предтеча грядущих перемен?

В начале 1983 года в ЦК КПСС был образован Эконо-

мический отдел, руководителем которого стал я. Основной задачей этого Отдела была выработка экономической политики партии и перевод экономики на новые принципы функционирования. В этой работе участвовали многие ученые, специалисты, практики, фамилии которых сегодня на слуху.

Выработанные принципы легли в основу тех преобразований в экономической жизни страны, которые происходили у нас через несколько лет. Этим было положено начало выводу экономики из идеологических догм, мешающих ей развиваться по своим законам.

Результаты работы этого Отдела во многом легли в основу доклада Генерального секретаря ЦК в апреле 1985 года, откуда идет отсчет перестройки, хотя, как видите, ее основы заложены значительно раньше. Я не ставлю здесь цель проследить весь путь перестройки, ее взлеты и падения, триумф и трагедию. Сегодня идет разговор о партии, поэтому моя задача как свидетеля хотя бы эскизно показать путь преобразований именно в ней.

Прежде всего я хочу еще раз подчеркнуть, что Политбюро, в состав которого я входил, знало о недостатках в партии, сознательно шло на ее реформирование. Оно стало инициатором преобразовательного процесса. И что бы сейчас ни говорили, историческая истина в том, что именно руководство партии возглавило этот процесс.

В первые годы происходило, если можно так выразиться, накопление критической массы. В экономике шла наработка новых методов, осмысление их результатов и подготовка к масштабным преобразованиям, то же самое происходило и в партии.

Серьезным шагом преобразований явился январский (1987 г.) Пленум ЦК. На нем было принято решение о демократизации общества, гласности и намечены пути реформирования партии. Четко было сказано, что надо решительно отказываться от несвойственных партийным органам управленческих функций, стремления решать вопросы за других, подменять советские органы, хозяйственные и общественные организации.

В экономических кругах это было воспринято положительно, так как к тому времени было уже ясно, что экономическая свобода, к которой мы стремились, невозможна в существующих условиях.

Первым этапом конкретных преобразований в партии и государстве стала XIX партийная конференция 1988 года.

Она не на словах, а на деле была переломной в жизни нашей страны.

Это касалось в первую очередь изменения политической системы государства. Было совершенно ясно, что если она окажется неизменной, то мы не справимся с поставленными задачами демократизации государства.

Это касалось и четкого разграничения функций партийных и государственных органов. Вопрос о разграничении функций между партией и государством не раз ставился на различных этапах развития нашего общества. Но логика командно-административной системы диктовала сохранение и закрепление такой практики. Ко времени же проведения партконференции в стране уже была сформирована позиция по новым методам управления народным хозяйством, основанном на принципах экономической демократии.

Что касается партии, то после партийной конференции на всех уровнях, начиная с ЦК КПСС, произошел пересмотр ее функций и, соответственно, структуры всех партийных органов. Ликвидировались отраслевые отделы, существенно сократилось принятие совместных решений ЦК и Совмина, более четко происходило разграничение функций.

Правительство страны, а затем и парламент все больше приобретали независимость в своих действиях и самостоятельность в принятии решений.

Заслуга XIX партконференции не только в том, что она четко высказала свою позицию по этому и другим принципиальным вопросам жизни страны, но и наметила конкретные действия по их реализации.

Я, по-видимому, не ошибусь, если скажу, что, не будь этой конференции, не было бы и выборов в Верховный Совет СССР в 1989 году на совершенно новых принципах. Не было бы и многих нынешних лидеров государства, которые взяли старт в том, уже далеком начале 1989 года. Именно партия открыла шлюз для начала создания новой структуры государственной власти, добровольно уступая свое место, которое она занимала десятки лет.

Вторым этапом преобразования функций партии был март 1990 года, когда Третий съезд народных депутатов принял решение об отмене шестой статьи Конституции СССР.

Если на XIX партийной конференции предложения преобразований, реформирования партии и политической системы государства шли от руководства страны, т. е. имели «верхушечный характер», то к моменту отмены шестой

статьи Конституции за это выступали большие массы коммунистов. Это говорит о том, что они осознали необходимость изменений и настоятельно требовали реформирования своей партии.

Хочу напомнить, что на этом Съезде, кроме введения должности Президента страны, были учреждены два государственных органа — Президентский совет и Совет Федерации. В Президентский совет входил по должности Председатель Совета Министров СССР.

Президентский совет, этот толком не созревший восьмимесячный плод перестройки государственной власти, практически взял на себя функции, которые раньше осуществляло Политбюро ЦК. Естественно, что Политбюро с этого времени фактически перестало функционировать.

Верховный Совет СССР, образованный летом 1989 года, в своей структуре во многом повторил отраслевые отделы ЦК КПСС, которые, как я уже говорил, в соответствии с решением XIX партийной конференции были ликвидированы в аппарате ЦК.

Я, как бывший глава Правительства страны, свидетельствую, что с этого времени Совет Министров СССР в своей практической деятельности взаимодействовал с Верховным Советом СССР и Президентским советом, а не с ЦК КПСС.

Все основные вопросы внутренней и внешней политики, принципиальные экономические вопросы рассматривались в Президентском совете или на совместных заседаниях с Советом Федерации:

— в апреле-мае 1990 года на советах в течение трех дней обсуждался представленный Правительством проект перехода народного хозяйства на рыночные отношения. Именно объединенные советы после обсуждения поручили Председателю Совета Министров СССР доложить этот вопрос Верховному Совету страны;

— ход разработки плана развития народного хозяйства на 1991 год, принципов формирования бюджетов Союза и республик, основы налоговой политики и т. д.

Обсуждались здесь и конкретные экономические проблемы, стоящие перед страной: конверсия военного производства, проблемы жилья и другие подобные вопросы.

О рассмотрении государственных вопросов на сессиях Верховного Совета СССР, в его комитетах и комиссиях мне нет необходимости говорить подробно, так как все это транслировалось по телевидению и освещалось в средствах массовой информации.

Я хочу лишь напомнить некоторые эпизоды: утверждение членов Правительства, рассмотрение планов экономического развития страны, ход выполнения их, развитие отдельных отраслей народного хозяйства и т. д. Все это раньше делалось в аппарате, Секретариате и Политбюро, на Пленумах ЦК.

Перелом произошел. И если по инерции некоторые вопросы государственного характера, в том числе не имеющие принципиального значения, еще решались в стенах ЦК, то я это объясняю как инертность и неорганизованность в отработке четкой системы взаимодействия государственной и партийной сфер. Во многом это объясняется и неорганизованностью бывшего Генерального секретаря ЦК.

Например, Совет Министров СССР после марта перестал направлять в ЦК предложения по назначению высших должностных лиц, и в то же время на каком-то этапе была полная неразбериха в этом вопросе между Президентом и Верховным Советом.

Начавшееся в 1989 году реформирование партии проходило сложно. Слишком глубокими были корни заложенных принципов ее функционирования. И было бы наивно ожидать, что все члены партии по единой команде строим сделают поворот.

Кульминацией реформирования стал XXVIII съезд КПСС. Июль 1990 года был самым сложным в истории партии последних десятилетий. Была жесткая критика в адрес руководства партии, горячие дискуссии о ее новых принципах деятельности в изменившейся политической системе, о путях развития экономики и т. д. Объективно говоря, партия должна была пройти через это чистилище для того, чтобы стать обновленной.

Прогрессивные силы победили на этом съезде. К примеру, наряду с другими документами была принята резолюция об отношении партии к переводу экономики на рыночные пути развития.

Я осознанно подробно останавливаюсь на этих этапах жизни партии. Мне тоже, как я уже говорил, не все нравилось в действиях партии того периода. Но надо объективно и честно ответить на вопрос: менялась ли партия или она до конца оставалась на ортодоксальных позициях и была тормозом демократических преобразований общества.

Вы обратили внимание, что я все время говорю о КПСС? Российская компартия родилась в новых условиях и, к счастью, не взяла с собой старой болезни КПСС.

Сейчас идет повальное топтание партии, выходящее за

самые элементарные нормы приличия, тем более что она не в силах ответить на это.

Как член партии, я верил, что она будет обновленной, будет выражать и защищать интересы народа. Я свидетельствую, что реформирование партии было направлено на демократизацию страны. Она шла по этому пути.

Но кому-то очень нужно было искусственно прервать рождение обновленной партии.

Естественно, возникает вопрос: как мощные удары по партии, а затем и прекращение ее деятельности сказались на общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране?

Я не намерен делать полный анализ этих последствий, но на некоторых принципиальных считаю необходимым остановиться.

Первое. Партия действительно во многом занималась несвойственными функциями, о чем я говорил в начале своего выступления. Нужно было четко провести передачу несвойственных партии функций государственным структурам.

В стране был мощный стержень — партия, вокруг которого формировалась общественно-политическая и экономическая жизнь. Второй — государственный стержень — представительная, исполнительная и правовая власти — был во многом несовершенен.

После XIX партийной конференции партия стала передавать эти функции государственным органам. Органы государственной власти в силу десятилетиями сформированной системы оказались неподготовленными ни организационно, ни юридически, чтобы сразу взять на себя эти функции. Требовалось время для создания совершенно новой системы правового государства. Требовалось время для того, чтобы общество функционировало в соответствии с законами.

К сожалению, эти процессы не проходили синхронно. Одно быстро разрушалось, другое в муках рождалось. Управляемость страной терялась. Последствия не замедлили сказаться.

Второе. Самой большой трагедией этого века является распад государства под названием СССР.

При всех своих недостатках КПСС не ставила перед собой задачу разрушения Союза. В последние годы она выступала за расширение суверенитета союзных республик, наделение их значительно большими правами, но в составе единого государства.

Массированный прессинг на партию, а затем и прекращение ее деятельности сняли сдерживающие начала этого разрушительного процесса, закончившегося, как известно, декабрьской трагедией. Я не говорю уж о том, что партия, имея разветвленную вертикальную структуру, являлась соединительным элементом всех составных частей Союза.

В то же время не окрепшая государственная власть как в центре, так и на местах не могла по-настоящему противостоять этим разрушительным действиям.

Убежден, что этот процесс не был стихийным. Он целенаправленно проводился еще в 1990 году. В так называемой программе «500 дней» не было даже термина «государство». Это был один из главных пунктов разногласий Правительства с авторами этой программы. Напоминаю, что это происходило летом 1990 года.

Какие в результате этого мы имеем политические и экономические последствия, нет необходимости объяснять. Они перед нашими глазами.

Третье. Мною было уже сказано о ранее существовавших отношениях партии и экономики. Я хочу объективно дать оценку роли КПСС в последние годы при переходе на новые формы хозяйствования, новые формы собственности и т. д.

Переход на рыночные отношения в нашей стране был сложен и противоречив. Общество неоднозначно относилось к нему, а авторы этих предложений в лице Правительства подвергались жесточайшей критике. Но происходила эволюция взглядов. Происходила эволюция и в партии.

В конечном итоге, как уже говорилось, XXVIII съезд партии принял резолюцию по этому вопросу. Партия поддержала переход экономики на рыночные отношения. В то же время подчеркивалось, что рынок не самоцель, а средство достижения социальных целей и максимального развития творческих сил страны. Это должна быть социальная рыночная экономика, регулируемая государством в той степени, которая позволяет эффективно развивать производительные силы и социально защищать население.

Не менее острым вопросом явились сроки перехода на рыночные отношения. Здравые силы понимали, что это процесс длительный и сложный, а так называемая программа «500 дней» со своей «шоковой терапией» являлась большим блефом. Было ясно, что эта программа была рычагом острой политической борьбы, которая разворачивалась в то время в стране.

Я не собираюсь вступать сейчас в полемику с моими

бывшими оппонентами. И не Бог им судья, а наша сегодняшняя жизнь. Мне нет необходимости говорить о сегодняшней экономике, о жизни российского народа. Сегодня он испытывает немалые тяготы, находится в унижительном положении. Позорным пятном нашей действительности является беспросветная бедность, на которую обрекаются не только старики и дети, но чуть ли не девять десятых населения.

Чтобы меня не обвинили в предвзятости и необъективности, я приведу здесь выводы иностранных специалистов. «В экономике бывшего СССР в течение этого столетия были только два кризиса, сопоставимые по масштабам с нынешним спадом. Один — в первые годы Второй мировой войны, когда в 1941—1942 годах национальный доход сократился на 34 процента, при том, что была оккупирована большая часть европейской территории Советского Союза, а промышленное производство сократилось в годы войны на 23 процента. Другой кризис — в годы Первой мировой войны, революции 1917 года и гражданской войны, когда национальный доход уменьшился в три раза, а промышленное производство — в пять раз».

Но это же было в военные лихолетья! Почему идет обвальное падение производства? Кто же сейчас несет ответственность за содеянное? Коммунисты? Так они уже больше года находятся под запретом. И не надо сегодня искать врагов реформ. Надо говорить о том, как они проводятся. И, проводя иную политику, нынешнее руководство страны имело бы в лице партии оппозицию здравого смысла. А здравый смысл позволил бы избежать нынешних шоковых потрясений.

И последнее. Устранение компартии с политической арены преследует далеко идущую цель — запрет социалистической идеи как таковой.

Идею нельзя запретить, она не умирает. Идею можно загнать в подполье, можно преследовать ее приверженцев, но ее нельзя убить. Основанием для прекращения деятельности партии называются доводы, что социализм виновен во всех наших бедах. Но не идея виновна в этом, а те люди, которые называли социализмом с различными прилагательными то, что никак не соответствовало его сути.

Идею возвышают или принижают исполнители. Истинная демократия терпима к любым взглядам, даже самым крайним. И победит тот, чьи идеи ближе к чаяниям народа.

Исходя даже из перечисленных проблем, прекращение деятельности партии сказалось на судьбе нашего государства. Хотелось бы надеяться, что, принимая решение, Высший суд учтет эти доводы.

Уважаемый суд!

Наша страна сейчас больна и находится в глубоком кризисе. Всех нас беспокоит ее судьба, судьба нашего многострадального народа. Как выйти из такого состояния? Совершенно очевидно, что без объединения всех сил общества, без их взаимного согласия на компромиссной основе невозможно решить стоящие перед государством проблемы. На мой взгляд, выход из глубокого кризиса сейчас возможен либо нахождением общего языка с оппозицией и принятием взаимоприемлемых решений во благо народа и государства, либо подавлением инакомыслия и возвратом к тоталитарному управлению, но в новой упаковке. Тем более известно, что анархия всегда приводит к абсолютизму.

Наш знаменитый соотечественник Александр Солженицын недавно сказал пророческие слова: «Погибнет та страна, где одинаково ругательными стали слова «демократ» и «патриот».

Понимали ли Президент России и его ближайшее окружение ответственность перед будущим нашей страны, когда одним росчерком пера «для разрядки» была прекращена деятельность пятнадцатимиллионной партии? Понимал ли это присутствовавший там Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент страны, беспомощно пытавшийся что-то сказать?

Все это напоминает времена «революционной необходимости», когда были запрещены другие партии, разогнано Учредительное собрание. Спустя 70 лет все повторяется. Мы не делаем выводов из нашей истории.

Если быть объективным, к августу 1991 года КПСС не была уже правящей партией. Но демократическое общество, правовое государство не может жить без оппозиционных противовесов.

Зарождение демократических основ в стране в конце 80-х годов было сложное. Но оно и тогда не пресекалось искусственно. Наоборот, иногда даже преднамеренно создавалась обстановка для выражения инакомыслия. Так почему это происходит сейчас? Отвечает ли это демократическим принципам? Вот на эти вопросы и надо дать ответ в Конституционном суде, а не делать глубинные рейды в прошедшие десятилетия этого века. Там много осталось и

хорошего, и плохого. История у нас одна. Ее нельзя изменить, ей нельзя мстить. Переписать историю можно только искусственно.

В бывшем СССР сейчас полыхают пожары на межнациональной почве, идут необъявленные войны между ныне суверенными государствами. Так неужели недостаточно этого людского горя и нам надо расколоть народ России уже по партийно-политическому признаку? Думая о судьбе КПСС, надо думать о судьбе нашей страны.

С этих позиций Конституционный суд, на мой взгляд, получающий доверие народа, должен принять единственно правильное решение — не допустить дальнейшего раскола общества со всеми вытекающими последствиями.

В этом историческая роль нового для нас института судебной власти, его роль в становлении новой России. Объективность предстоящего решения Конституционного суда заложит основу настоящей независимой третьей власти, о которой так много говорится, но мало что сделано. Именно объективность и непредвзятость откроют дорогу к созданию правовой основы жизни страны.

История партии сложна, как сложна история всего нашего государства. Несмотря на ее трагические страницы, именно народ ценой своего благополучия сделал нашу державу великой. И в этом в первую очередь участвовали миллионы коммунистов. Можно ли сейчас их в этом упрекнуть? Поэтому я не считаю свою партию преступной!

Для России уходящий век явился одним из самых значительных и трагических. Значительным потому, что ни одна другая держава не пережила столь серьезные социальные и революционные потрясения, а трагическим потому, что ни один другой народ на земле не перенес столь драматических испытаний.

Хватит с нас всевозможных шоковых экспериментов! Нам нужны национальное примирение и гражданское согласие. Отмена указов будет определенным шагом к этому.

Для судьбы России это сейчас главное».

* * *

В этих двух главах книги я специально остановился на вопросе о КПСС, о ее героической и трагической судьбе.

Героизм партии заключался в том, что, взвалив на себя в определенной исторической обстановке функции управ-

ления государством, она создала великую державу, выстоявшую ценой неисчислимых жертв перед самыми тяжкими испытаниями.

Трагедия же ее в том, что она своевременно не почувствовала тех неизбежных перемен, которые уже витали в воздухе. И в результате она оказалась в общественной изоляции. И не рядовые члены партии виновны в этом, а ее руководители. Именно они предали партию, страну и народ.

Трагедия ее также и в том, что сама партия, на протяжении десятилетий имея монополию на власть, потеряла свою способность к политической борьбе, поскольку в стране не было никаких оппозиционных сил в виде других партий и общественных движений. В результате партия как единый организм потеряла свои лучшие качества — боевитость, самопожертвование, бескорыстие... Произошло ее одряхление.

Сегодня партии коммунистической направленности восстанавливают силы. Народ начинает понимать, кто является выразителем его интересов, а кто завел его в нынешний «рай».

И, заканчивая эти размышления, хочу еще и еще раз повторить: я не считаю свою партию преступной!